

Дневникъ поѣздки по Россіи въ 1841 году.

Предполагаемый ниже вниманію читателей дневникъ путешествія по южной Россіи въ 1841 г. извлеченъ изъ старой записной книжки, четко написанной на хорошей бумагѣ, золотообрѣзной, но вырванной изъ переплета. Эта записная книжка найдена въ разномъ бумажномъ хламѣ библіотеки одной изъ старыхъ дворянскихъ усадебъ Щигровскаго уѣзда и передана мнѣ студентомъ Московскаго университета Л. С. Салтановымъ, которому приношу искреннюю благодарность за разрѣшеніе напечатать этотъ не лишенный интереса дневникъ поѣздки по тогдашней Россіи.

Прошло 75 лѣтъ... Періодъ небольшой въ жизни страны и народа, а между тѣмъ какъ далеко ушла Россія вѣшне съ того времени, какъ все мало похоже на то, что теперь окружаетъ насъ. Путешественникъ записывалъ все то, что видѣлъ и замѣчалъ по пути, а такъ какъ это былъ человѣкъ образованный и интересовавшійся всѣмъ, то его наблюденія, хотя и поверхностныя, все-же интересны; путникъ описываетъ города, дѣлаетъ разныя историческія, этнографическія и статистическія замѣтки, высказывая по этому поводу и свои мѣткія сужденія. Служа въ Петербургѣ, онъ вращался въ тамошнемъ обществѣ и былъ знакомъ съ такими людьми, какъ академикъ Дядьковский и самъ Лермонтовъ, временами онъ любитъ цитировать Пушкина. По странному стеченію обстоятельствъ, такъ сказать, по волѣ судьбы, нашъ путникъ попадаетъ въ Пятигорскъ въ день похоронъ поэта. Это даетъ ему поводъ коснуться его без-

временной, печальной кончины. Правда, не прибавляется ничего новаго къ общеизвѣстному, но прибавляется еще одинъ свидѣтель ранней смерти Лермонтова.

Удалось узнать, что писавшій дневникъ былъ родственникъ нынѣшнихъ владѣльцевъ с. Знаменскаго (Щигровскаго уѣзда). Салтановыхъ, Николай Ѳеодоровичъ Туровскій. Сынъ поселившася въ началѣ 19 вѣка въ Липецкѣ штабъ-лѣкаря Ѳедора Ивановича Туровскаго, Николай Ѳеодоровичъ въ молодости служилъ въ Петербургѣ, затѣмъ переселился въ Липецкъ и сдѣлался тамошнимъ старожиломъ. Тамъ онъ имѣлъ домъ, съ большимъ садомъ, открытымъ для всѣхъ обитателей Липецка, жилъ очень открыто и широко. Одно время онъ былъ директоромъ Липецкихъ минеральныхъ водъ, а потомъ выборнымъ мировымъ судьей.

А. Голомбѣвскій.

Въ 1841 году служба доставила мнѣ истинное, незабвенное удовольствіе: я былъ откомандированъ въ южные края Россіи.

Въ исходѣ апрѣля я выѣхалъ изъ Петербурга, а въ концѣ сентября возвратился; и такъ, лучшее время года я провелъ въ лучшихъ краяхъ.

Чтобы удержать въ памяти своей впечатлѣнія этого, интереснаго для меня, путешествія, я иногда записывалъ ихъ.

Какъ въ дорогѣ, такъ и послѣ дороги, многія замѣтки затерялись; собираю остальные и номѣщаю въ одну тетрадь.

Отъ Петербурга до Липецка—моей колыбели,—дорога для меня слишкомъ знакома, и слѣдовательно не могла быть занимательной; только празднества, по случаю свадьбы Цесаревича, нѣсколько оживляли и разнообразили переѣзды. Въ Москвѣ замѣтны большія приуготовленія для торжественнаго вѣзда Царской фамиліи. Первый день я провелъ тамъ какъ только можно пріятнѣй провести въ Москвѣ заѣзжему: утро—въ Кремлѣ, полдень у старыхъ знакомцевъ, обѣдъ—въ Троицкомъ, а вечеръ въ русскомъ театрѣ, гдѣ публика привѣтствовала двухъ знаменитыхъ нашихъ трагиковъ Каратыгина и Мочалова. На другой день, 1 мая, въ пыли и тѣснотѣ, встрѣчалъ весну въ Сокольникахъ; это катанье несноснѣе катанья въ Екатерингофѣ.

Въ Ельцѣ начались наши служебныя занятія—ревизіи казначействъ. Въ нѣсколько часовъ окончивъ эту довольно скучную операцію, и, вмѣстѣ съ елецкою знатью, вкусно позавтракавъ у К . . . , мы возвратились на квартиру, чтобы послѣшить выѣздомъ; но не такъ-то скоро отдѣлались мы

отъ хозяина; ему вздумалось непременно угостить насъ по-купечески; отговориться было невозможно, и безконечное шампанское полилось; только въ сумерки успѣли мы вырваться изъ Ельца, и уже поздно вечеромъ встрѣтилъ насъ радушный приемъ.

Отсюда на другой день, повернули мы въ Алексѣевское; но напрасно: Никита Ив. доложилъ, что „господа уѣхали въ Задонскъ на богомолье“. Дѣйствительно я всѣхъ ихъ, моихъ милыхъ, добрыхъ родныхъ С.-хъ, нашелъ въ монастырской гостиницѣ; чувство радостнаго свиданія съ ними я навсегда сохранию въ памяти моей...

Но слѣдующее утро, послѣ ревизіи, я, помолившись Богу и поклонившись праху матери моей, съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ Задонскъ.

Въ Липецкѣ мы вѣхали 9-го мая и прогостили тамъ дней пять. Много пріятнаго, но еще больше горькаго перечувствовалъ я во все время, проведенное мною съ *самыми ближайшими* мнѣ родными...

Изъ Липецка путь нашъ лежалъ на Усмань и Борисоглѣбскъ; возлѣ Павловска выѣхали на... ¹⁾

Земля войска Донского.

Переѣздъ отъ границы Воронежской губерніи до Новочеркаска—грязная проза: вездѣ задержки въ лошадяхъ, вездѣ нужно ждать, ссориться, и наконецъ-то выпрягуть тощихъ, увѣчныхъ клячей. Такимъ образомъ мы, какъ говорится, на кнутѣ ѣхали до 300 верстъ. Такова-то почтовая ѣзда въ землѣ, славной своими скакунами. На станціяхъ нечистота и нищета; спросишь ѣсть,—общій отвѣтъ „ни, пане“; съ трудомъ, и то не вездѣ, добудешь кринку молока. Это испытаніе напомнило мнѣ первую поѣздку на Кавказъ 39 г., съ землякомъ И. В. Б., который имѣлъ тогда, а можетъ быть и теперь имѣетъ, экономическую привычку—завтраки и обѣды, ради „некогда“ откладывать до слѣдующей станціи.

Новочеркасскъ расположенъ на горѣ весьма правильно: но бѣденъ хорошимъ строеніемъ; дома большею частью деревянные и содержатся дурно. Соборная церковь тоже деревянная, маленькая; вокругъ нея нѣсколько полуразрушенныхъ памятниковъ; тутъ же могила знаменитаго графа Платова; но на ней

¹⁾ Проицукъ.

памятника нѣтъ: ни слава героя, ни богатство наслѣдниковъ еще не вызвали, до сихъ поръ, должной признательности къ праху его... Для новаго соборнаго храма матеріалы заготовляются; говорить, зданіе будетъ великолѣпно.

На ярмаркѣ я видѣлъ всю аристократію казацкой столицы. Забавны очень были жеманныя движенія здѣшнихъ красавицъ; точь-въ-точь какъ въ Духовъ день въ аллеяхъ Лѣтняго сада выступаютъ невинныя искательницы купеческихъ сынковъ и промотавшихся эполетъ.

Женщины здѣсь вообще не дурны собой; много даже хорошенькихъ; но поразительной красоты мнѣ встрѣтить не удалось. Общий ихъ костюмъ—національный; разница только въ цѣнности матеріи; весьма немногія изъ высшаго круга (если тамъ только есть высшій кругъ) носятъ европейскіе наряды. — Вотъ непремѣнный костюмъ казачекъ всѣхъ сословій и состояній: сарафанъ съ плоской, узкой юбкой, называемый кубилейкой, и большой платокъ на плечахъ; у замужнихъ на головѣ вязанный, полосатый колпачекъ, который, перегибаясь на лѣвое ухо, падаетъ въ узкую перевязку, идущую кругомъ головы; у незамужнихъ голова повязывается шелковымъ одноцвѣтнымъ платкомъ, концы котораго обвиваютъ всю косу, выпущенную по спинѣ и закрѣпленную бантомъ цвѣтной ленты съ длинными концами; драгоценныя камни и жемчугъ довершаютъ украшенія. О казакахъ говорить не стану; они всѣ и вездѣ на одинъ ладъ, хоть и часто вертятся въ столицахъ, и имѣютъ всѣ способы стать на европейскую ногу; исключенія рѣдки.

Содержаніе проѣзжающихъ и вообще неимѣющихъ здѣсь осядлости невѣроятно дорого, напр., 24 коп. фунтъ баранины; 80 коп. курица; 2 р. 50 к. четверикъ картофеля и т. д. Таковъ-то край обильный, хлѣбородный, снабжающій отдаленныя мѣста Россіи. А хорошей говядины на базарѣ ни за что не найдете; извольте ѣхать въ Петербургъ кушать черкасскихъ бычковъ. Вина хорошаго тоже не достанете ни въ погребахъ, ни въ трактирахъ; мнѣ удалось пить отлично—хорошее, красное, не шипучее вино только у здѣшняго хлѣбосола—соборнаго протоіерея: чудное вино.

Причина торговаго неблагоустройства весьма ясна: вся внутренняя торговля исключительно предоставлена казакамъ; вся эта важная промышленность отдана въ право людямъ, совершенно неспособнымъ къ заплатамъ такого рода.

Подосва южной части горы, на которой помѣщается городъ, омывается небольшою рѣкою, или, правильнѣй сказать, рукавомъ

Дона,—Аксаемъ. Во время весенняго разлива, какъ я два раза видѣлъ, Донъ и Аксай, слившись между собой, разливаются въ поперечникѣ верстъ на 10 и болѣе. Старый Черкасскъ тогда подтопляется весь, такъ что жители разъѣзжаютъ по улицамъ на лодкахъ.

Отъ слѣдующей станціи — Зайцевой — идутъ двѣ дороги: вправо на Таганрогъ, влѣво на Кавказъ; мы пустились по послѣдней и черезъ часъ вѣхали въ станицу *Аксай*. Очаровательное мѣсто. Здѣсь, конечно, у Пушкина вырвался привѣтливый стихъ:

„Плеща средь полей широкихъ,

„Вотъ онъ льется: здравствуй, Донъ!

Сильный противный вѣтеръ не пустилъ насъ переправиться на ту сторону; мы должны были переночевать. Памятна мнѣ эта переправа въ 39 году; какъ усердно молился я на половинѣ пути. Вечеръ былъ тихій, ясный; ни облачка на небѣ, только съ южной стороны горизонта едва поднималось черное пятно и навѣвалъ слабый вѣтерокъ. Лодманы смѣло отчалили барку, и мы весело поплыли, любуясь живописнымъ Аксаемъ, кругомъ котораго заблестали огни рыбаковъ.—Вдругъ вѣтеръ усилился; еще минута, и небо почернѣло; хлынулъ дождь, и страшная гроза разразилась надъ нами: громъ грохоталъ, буря ломала мачты, а безпрестанная молнія освѣщала бушевавшія волны... И въ такихъ-то сильныхъ ощущеніяхъ мы качались на якорѣ до разсвѣта. Да, памятна мнѣ эта переправа.

Походивъ по берегу, осмотрѣвши рыбныя сушильни и наглядѣвшись на безпрестанную и изобильную выгрузку огромныхъ рыбъ,—осетровъ и севрюгъ,—которыхъ тотчасъ же убивали и анатомировали,—я утомился однообразнымъ, кровавымъ зрѣлищемъ, и возвратился на квартиру, гдѣ меня ожидали: жирная уха, доброе вино и хорошенькая хозяйка...

Здѣсь неожиданно свидѣлся я и пріятно провелъ нѣсколько часовъ съ ученымъ Дедьковскимъ; трудно узнать было этого почтеннаго страдальца: такъ исказила его многолѣтняя болѣзнь. „Умирать ѣду на Кавказъ“, сказалъ онъ мнѣ со вздохомъ на первый мой вопросъ: черезъ два мѣсяца, въ день моего выѣзда изъ Пятигорска, совершено его погребеніе.

Единственная и значительная промышленность Аксая ловля и заготовленіе красной рыбы, которая здѣсь на мѣстѣ, во время разлива, не имѣетъ почти никакой цѣнности. При мнѣ купленъ былъ осетръ величиною въ 2 арш. и 3/4, вѣсомъ въ 1 пудъ и 22 фунта, и въ немъ икры 12 фунтовъ,—за 11 рубл. асс; а за стер-

лядь съ икрой, величиною въ аршинъ, я самъ не торговавшись заплатилъ четвертакъ. Балыки, икра и пр. въ большомъ количествѣ разсылаются отсюда въ сѣверныя губерніи. Все это изготовляется мастерски; но почему-то здѣшніе балыки, какъ я узналъ на опытъ, много уступаютъ Керченскимъ и даже Таганрогскимъ балыкамъ.

Кавказская область.

Объ *Ставрополѣ*, губернскомъ городѣ Кавказской области, не могу сказать почти ничего; я пробылъ тамъ столько времени, сколько нужно было для обревизованія небольшого казначейства. Въ первые два раза, какъ помнится, я останавливался часа на два, не больше, да и тѣ, за дурною погодою, просидѣлъ въ дурной гостиницѣ. Но, сколько успѣлъ я замѣтить, городъ, какъ уѣздный, хорошъ; имѣетъ каменные строенія, удачной архитектуры, и въ главныххъ улицахъ содержится опрятно; въ особенности замѣчателенъ казенный домъ областного начальника, съ обширнымъ и прекраснымъ садомъ. Вообще видно, что въ Ставрополѣ живутъ только служащіе, а не свободные и торговые граждане. Въ зимніе мѣсяцы, говорятъ, военные оживляютъ общество, такъ что и танцевальныя собранія случаются. Небольшая и дурная рѣчка течетъ за городомъ. Отсюда почтовая ѣзда становится лучше, быстрѣй. Деревни, или станицы, лежащія у большой дороги, населены въ разное время и изъ разныхъ губерній, и потому-то нарѣчія поселянъ и костюмы поселянокъ чрезвычайно разнообразны. Мужчины же, недавно, всѣ обращены въ линейные казаки и имѣютъ костюмъ, похожій на черкесскій. Вообще они мужественны, красивы, ловки, просто молодцы; любо смотрѣть, какъ линейецъ, въ красной рубахѣ, въ лохматой шапкѣ, сядетъ на козлы, ударить длиннымъ бичемъ, да еще присвистнетъ на своихъ лихихъ коней, такъ духъ захватываетъ, не успѣешь задуматься и уже снѣжные великаны ¹⁾ передъ глазами. И такъ... Я опять на Кавказѣ, опять увлекаюсь его дикою, колоссальной природой и повѣряю впечатлѣнія первыя, еще живыя въ памяти моей.

¹⁾ Въ ясную погоду, цѣль снѣжныхъ горъ, и въ особенности двухъ главныхъ Эльбрусъ, видимъ въ первый разъ верстъ 100 отъѣхавши отъ Ставрополя, т.-е. слишкомъ за 400 в. отъ подошвы горъ; но потомъ опять скрываются верстъ на 100.

Минеральные воды.

Георгиевскъ не развлечетъ путешественника; заштатный, неопрятный, деревянный городъ, недавно разжалованный изъ губернскихъ, имѣетъ крѣпостцу и набитъ армянами,—вотъ все, что можно замѣтить проѣздомъ. Отсюда—прямо продолжается Тифлисскій трактъ, а вправо, въ 40 верстахъ, минеральные воды, куда мы и повернули.

Въѣздъ нашъ въ Пятигорскъ, и въ особенности для меня, былъ весьма неблагополученъ. Версть за пять до города, обогналъ насъ кавказскій губернаторъ; передъ нимъ, какъ водится, неся исправникъ; кругомъ экипажа, для пущей важности ¹⁾, скакалъ конвой казаковъ. Нашъ лихачъ-ямщикъ долго отъ нихъ не отставалъ, но, наконецъ, на поворотѣ въ Подкумокъ, передняя группа скрылась, и мы поѣхали тише; потомъ вскорѣ опять настигли *вельможу* (то былъ извѣстный моимъ роднымъ Хом—въ), который для чего-то приостановился. У самого города надо было спускаться съ длинной, узкой, хотя и отлогой горы; лошади, разгорячившись передовымъ экипажемъ рванули; ямщикъ не удержалъ, и вся шестерня понесла насъ во весь духъ. Отъ сильныхъ толчковъ и отъ быстрого пересѣченія воздуха, верхъ нашей коляски, нагруженной огромнымъ чемоданомъ, едва не отлетѣлъ: мы вскочили съ своихъ мѣстъ и крѣпко ухватились за верхъ. Въ то же время мелькомъ взглянулъ внизъ и—затрепеталъ... Страшная пропасть была на поларшина отъ экипажа. вмѣстѣ съ этимъ, пальто мое распахнулось, часы выскочили изъ кармана, соскочили съ цѣпочки и, ударившись объ дверцу, полетѣли на дно пропасти... Мгновенная, безотчетная мысль: „пробилъ мой часъ“—электрически потрясла меня... То было 1-го юня.

Между пяти горъ: Бештау, Машука, Змѣиной, Лысой и Желѣзной,—лежитъ небольшой, красивенькой городокъ *Пятигорскъ*; здѣсь-то, на склонѣ Машука собраніе сѣрныхъ источниковъ, разныхъ свойствъ и разной температуры, впадающихъ въ шумный, быстрый Подкумокъ. Самый горячій изъ нихъ Александровскій (38°), по неразгаданнымъ причинамъ, въ 39 г. исчезъ и теперь течетъ только слабой струйкой. Этотъ источникъ есть слава Кавказскихъ водъ и творитель чудесъ исцѣ-

¹⁾ Развѣ только для пущей важности,—какъ тамъ и дѣлаютъ мишурные тузы. Надобности же въ конвоѣ тамъ нѣтъ никакой, и рассказы объ опасностяхъ суть сказки досужихъ людей и любителей приключеній.

ленія. Сколько вы увидите костылей и палокъ, оставленныхъ у выдолбленнаго каменнаго бассейна, въ знакъ признательности воскресшими страдальцами. Тутъ же теплится лампада передъ иконою Богоматери всѣхъ скорбящихъ. Самый холодный кислородный источникъ Елисаветинскій (22 и 21°); въ немъ я постоянно купался и его пилъ. Еще есть много другихъ: Ермоловскій, Николаевскій, Сабанеевскій, Варваціевскій, Александро-Николаевскій и Калмыцкій—для питья и купанья; и собственно для питья Михайловскій и Константиновскій (открытый и прославленный профессоромъ Дедьковскимъ); всѣ они неопровержимополезны.

Устройство водъ бѣдно, даже дурно, и улучшеній не замѣтно. Въ доказательство приведу нескромную продѣлку; она повторялась часто, и въ ней (грѣшный человѣкъ) я самъ участвовалъ не разъ: изъ мужскихъ ваннъ подсмотрѣть въ женскую—было дѣло возможное, и вотъ однажды одинъ г. армеецъ, увлекшись этой панорамой, какъ-то неосторожно далъ замѣтить свое любопытство. Скромница-сосѣдка, конечно, сообщила своему мужу, и ловеласъ долженъ былъ объясняться съ комендантомъ.

Кто хоть разъ былъ на Кавказскихъ водахъ, тотъ знаетъ, сколько неудовольствій и неудобствъ переносить обязанъ каждый изъ посѣтителей. А казалось бы, при пособіи отъ казны и при значительномъ сборѣ за ванны (по 1 и 1¼ р. с.), можно озаботиться устройствомъ. Если бы всѣ ванны были такъ же удобны, какъ роскошныя Николаевскія, которыя такъ красиво раскинуты у бульвара. Жаль, что этотъ нарядный источникъ, за слабостью, остается почти пустымъ.

Церковь одна, и та мала, бѣдна, снимокъ сельской деревянной церкви. Непонятно, какъ при такихъ значительныхъ ежегодныхъ сюда съѣздахъ людей болящихъ, уповающихъ себѣ спасенія и, слѣдовательно, непремѣнно подкрѣпленныхъ вѣрою религіозною, усладительною для страдальца-христіанина, какъ при всемъ этомъ Храмъ Божій остается забытымъ.

Съѣздъ нынѣшняго курса не великъ и очень не замѣчателенъ. Дамъ мало, да и тѣ... Только въ послѣдній мѣсяцъ явленіе хорошенькой генеральши Ор—вой съ хорошенькими сестрами М. П., надѣлало шуму; въ честь ихъ кавалеры дали роскошный *bal champrêtre* въ боковой аллеѣ бульвара. Въ 39 году съѣздъ дамъ былъ тоже не великъ и мало интересенъ; но тогда блистала графиня Ростопчина ¹⁾, которая вездѣ и въ скромной

¹⁾ Поэтесса, гр. Евдокія Петровна, рожд. Сущкова.

бесѣдѣ, и въ шумномъ собраніи, и въ поэтическихъ мечтаніяхъ,—вездѣ мила, вездѣ завлекательна.

Мушны, большею частію, пѣхотные, жалгіе армейцы, которыхъ сперва выставляютъ черкесамъ, какъ мишень, а потомъ калѣнками присылаютъ лѣчить на воды. Есть и гвардейцы: имѣ или *ареденъ Сперъ*, или нуженъ крестикъ; такъ же встрѣтите интересныхъ петербуржцевъ, искателей новыхъ силъ для новыхъ соблазновъ столичной жизни: одинъ изъ нихъ В. В. Дж. остался мнѣ постоянно пріятнымъ знакомымъ. Но самыя занимательныя изъ посѣтителей,—это помѣщики въ венгеркахъ, съ усами и безъ причесокъ; они пожаловали такъ,—отъ нечего дѣлать: поиграть въ карты и отвѣдать кахетинскаго.

20 іюня. Несносная жизнь въ Пятигорскѣ. Отдавши долгъ удивленія колоссальной природѣ, остается только скучать однообразіемъ; одинъ воздухъ удушливый, сѣрный отвратитъ всякаго. Вотъ утренняа картина: въ 5 часовъ мы видимъ по разнымъ направленіямъ въ экипажахъ, верхомъ, пѣшкомъ тянутся къ источникамъ. Эти часы самыя тяжелыя; каждый обязанъ проглотить по нѣсколько большихъ стакановъ гадкой теплой воды (до 10 и болѣе: такова непремѣнная метода здѣшнихъ медиковъ). Около полудня всѣ расходятся: кто въ ванны, кто домой, гдѣ каждаго ожидаетъ стаканъ маренковаго кофе и булка; обѣдъ долженъ слѣдовать скоро и состоятъ изъ тарелки *Vassersuppe* и *deux oeufs à la coque* со шпинатомъ. Въ 5 часовъ вечера опять всѣ по своимъ мѣстамъ—у колодцевъ съ стаканами въ рукахъ. Съ 7 до 9 часовъ чопорно прохаживаются по бульвару подъ звукъ *музыки полковой*; тѣмъ долженъ заключиться день для больныхъ. Но не всегда тѣмъ кончается, и какъ часто многіе напролетъ просиживаютъ ночи за картами и прямо отъ столовъ какъ тѣни побредутъ къ водамъ; и потомъ они же безсовѣстно толкуютъ о бесполезности здѣшняго лѣченія.

По праздникамъ бывають собранія въ залѣ гостиницы, и тутощніе очень веселятся.

21 іюня. Нынѣшняя почта насмѣшила меня; петербургскіе знакомцы завидуютъ мнѣ; проказники. Они тамъ слушаютъ Олебуля и на огнѣ разѣзжаютъ по узорчатымъ дачамъ, а я здѣсь, отъ нечего дѣлать, карабкаюсь по горамъ. Не дальше, какъ вчера, чуть было головы не сломилъ, вѣзжая верхомъ на Машукъ; и для чего же? чтобы взглянуть на свое имя и возлѣ 1839 г. поставить 1841. Видъ отсюда въ ясную погоду очаровательный, единственный въ природѣ. У самой подошвы горы бѣлѣются Пятигорскъ и Горячеводскъ; между ними узкой

лентой вѣется Подкумокъ; влѣво (въ 40 в.) Георгіевскъ, какъ на ладони; по сторонамъ въ разныхъ разстояніяхъ клумбами разбросаны станицы и аулы; далѣ донебесные великаны, простираясь амфитеатромъ, оканчиваются снѣжною цѣпью горъ, между которыми Эльбрусъ, какъ бы въ серебряныхъ волнахъ, сливается съ Казбекомъ.

На самой вершинѣ Машука, на небольшой площадкѣ, возвышается столбъ; на немъ множество именъ, надписей, стиховъ; тутъ же простодушная надпись Хозревъ-Мирзы: „Добрая слава, оставленная по себѣ человѣкомъ, лучше золотыхъ палатъ“ и пр. Какъ нѣжно разсуждаютъ эти звѣри, а спросить бы у правовѣрныхъ братьевъ: не болятъ ли у нихъ пятки.

Лучшая, пріятная для меня прогулка была за 18 верстъ въ Желъзноводскъ; самое названіе говоритъ, что тамъ желѣзные ключи; ихъ много ¹⁾, но самый сильный и употребительны № 8, который, вмѣстѣ съ другими, бьетъ въ дикомъ лѣсу; между ними идетъ длинная, прорубленная алея. Здѣсь-то въ знойный день—истинное наслажденіе: чистый ароматическій воздухъ и ни луча солнечнаго. Есть нѣсколько источниковъ и на открытомъ мѣстѣ, гдѣ выстроены казенные домики и вольные для пріѣзжающихъ. Виды здѣшніе не отдалены и граничатъ взоръ сосѣдними горами; но зато сколько жизни и свѣжести въ природѣ. Какъ нѣжна, усладительна для глазъ эта густая зелень, которую, какъ зеленымъ бархатомъ, покрыты горы.

На половинѣ пути лежитъ нѣмецкая колонія, называемая *Шотландкой*; она крестообразно пересѣчена двумя улицами; на самой серединѣ, подъ навѣсомъ стоитъ пушка и боевой ящикъ, такъ что если бы вздумалось заглянуть сюда черкесамъ (какъ то и было), то одной пушкой, по всѣмъ направленіямъ можно ихъ засыпать картечью. Въ колоніи вы найдете дешевый и вкусный обѣдъ.

Армяне господствуютъ въ Пятигорскѣ; вся внутренняя торговля въ ихъ рукахъ: армянинъ и въ лавкахъ, и въ гостиницѣ, и въ мастерскихъ. Но главное ихъ занятіе—серебрянныя издѣлья съ чернью, какъ-то: обдѣлка сѣделъ, палокъ, трубокъ, колець, наперстковъ и пр.; все это чрезвычайно дорого и вовсе не изящно; но раскупается съ большою жадностью; каждый посѣтитель какъ бы обязанъ вывезти что нибудь на память съ надписью: „Кавказъ, такого-то года“.

¹⁾ 12; одни теплѣе, другіе свѣжѣе; но въ разсужденіи составныхъ частей почти одинаковы. Теплѣйшіе—наиболѣе подходятъ къ Теплицкимъ водамъ.

Есть нѣсколько хорошихъ лавокъ персидскихъ съ коврами и азійскими матеріями.

Жизненные припасы дешевы до крайности; ихъ поставляютъ колонисты и мирные черкесы изъ сосѣднихъ ауловъ.

18 іюля. Лермонтова ужъ нѣтъ, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видѣть печальную церемонію, еще грустнѣй вспомнить: какой ничтожный случай отнялъ у друзей веселаго друга, у насъ—лучшаго поэта. Вотъ подробности несчастнаго происшествія.

„Языкъ нашъ—врагъ нашъ“. Лермонтовъ былъ остеръ и остеръ иногда до ѣдкости; насмѣшки, колкости, эпиграммы не падали никого, ни даже самыхъ близкихъ ему; увлеченный игрою словъ или сатирическою мыслию, онъ не разсуждалъ о послѣдствіяхъ: такъ было и теперь.

15-го числа, утро провелъ онъ въ небольшомъ дамскомъ обществѣ (у В-р-хъ) ¹⁾ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ и товарищемъ по гвардіи *Мартыновымъ*, который только-что окончилъ службу въ одномъ изъ линейныхъ полковъ и, уже получивши отставку, не оставлялъ ни костюма черкесскаго, присвоеннаго линейцамъ, ни духа лихого *джигита*, и тѣмъ казался дѣйствительно смѣшнымъ. Лермонтовъ любилъ его, какъ *доброю мамаю*; но часто забавлялся его странностью; теперь же больше, нежели когда. Дамамъ это нравилось, всѣ смѣялись, и никто подозрѣвать не могъ такихъ ужасныхъ послѣдствій. Одинъ Мартыновъ молчалъ, казался равнодушнымъ, но затаилъ въ душѣ тяжелую обиду.

„Оставь свои шутки или—я заставлю тебя молчать“ были слова его, когда они возвращались домой. *Готовность всегда и на все*—былъ отвѣтъ Лермонтова, и черезъ часъ, два новые враги стояли уже на склонѣ Машука съ пистолетами въ рукахъ.

Первый выстрѣлъ принадлежалъ Лермонтову, какъ вызванному; но онъ опустилъ пистолетъ и сказалъ противнику: „рука моя не поднимается, стрѣлай ты, если хочешь“...

Ожесточеніе не понимаетъ великодушія: курокъ взведенъ, пафъ, и палъ поэтъ бездыханенъ.

Секунданты не хотѣли, или не сумѣли затушить вражды (Кн. Вас-въ и кон.-гв. оф. Гл-въ) ²⁾; но какъ бы то ни было, а Лермонтова ужъ нѣтъ, и новый, глубокій трауръ накинута на литературу русскую, если не европейскую.

¹⁾ Верзилиныхъ.

²⁾ Васильчиковъ и Глѣбовъ.

Въ продолженіе двухъ дней, тѣснились усердные поклонники въ комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ.

17-го числа, на закатѣ солнца, совершенно погребеніе. Офицеры несли прахъ любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождавшихъ выразили потерю общую, незамѣнимую.

Какъ недавно, увлеченные живою бесѣдой, мы переносились въ студенческіе годы; вспоминали прошедшее, разгадывали будущее... Онъ высказывалъ мнѣ свои надежды скоро покинуть скучный югъ и возвратиться къ удовольствіямъ сѣвера; я не утаилъ надеждъ *нашихъ*, — *литературныхъ*, и прочиталъ на память одно изъ лучшихъ его произведеній. Черные большіе глаза его горѣли; онъ, казалось, утѣшенъ былъ моимъ восторгомъ и въ благодарность продекламировалъ нѣсколько стиховъ, которые и теперь еще звучать въ памяти моей.

Вотъ они:

„И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды;
Желанье!.. что пользы напрасно и вѣчно желать.
А годы проходятъ, всѣ лучшіе годы!..
Любить?.. но кого же? На время не стоитъ труда,
А на вѣчно любить не возможно;
Въ себя лишь заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и
слѣда.

И радость, и мука, и все тамъ ничтожно...
Что жъ страсти?.. вѣдь рано или поздно ихъ сладкій
недугъ

Исчезнетъ при словѣ разсудка!
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
вокругъ,

Такая пустая и глупая шутка“...

Такъ провелъ я въ послѣдній разъ незабвенные два часа съ незабвеннымъ Лермонтовымъ.

Кисловодскъ ¹⁾ — поэтический уголокъ Кавказа. Десять дней, проведенныхъ мною тамъ, оживили меня. Послѣ душнаго, сѣрнаго Пятигорска, отраднo было подышать чистымъ, благоухающимъ воздухомъ. День проходилъ незамѣтно: съ удоволь-

¹⁾ Въ 40 верст. отъ Пятигорска къ югу. На половинѣ дороги лежить Ессентукская станица, гдѣ недавно открыты и еще мало устроены щелочныя ванны (*Асторъ*).

ствіемъ пьешь вкусный, шипучій Нардзанъ ¹⁾ (богатырь-вода), купаешься въ бассейнѣ, лакомишься форелью, фазанами и разными фруктами (все это по временамъ очень дешево) и потомъ безъ устали гуляешь по романическому парку; здѣсь чувствуешь себя бодрѣй, веселѣй, по дѣйствію ли укрѣпляющаго Нардзана, или по благотворной мѣстности, на которой расположена станція.

Одно только меня крайне тревожило: первый шагъ въ купальню; никакъ не могъ я, какъ и многіе, привыкнуть къ холоду цѣльнаго Нардзана (въ 10°), хоть взялъ болѣе 20 ваннъ. Всегда съ какою-то робостью опускаешься въ бассейнъ; но окунувшись разъ и сдѣлавши нѣсколько движеній въ водѣ, чувствуешь во всемъ разгорѣвшемся тѣлѣ какое-то особенное, необъяснимое удовольствіе, и въ такомъ пріятномъ ощущеніи охотно остаешься минутъ 5 и 6. Нѣкоторые просиживали до 20 и болѣе минутъ; но эта безразсудная шалость не всегда проходила даромъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, за годъ до кончины, намѣревалась лѣто провести въ Кисловодскѣ, для чего и былъ выстроенъ возлѣ источника красивый деревянный дворецъ, гдѣ теперь помѣщается гостиница и бывають собранія, и устроенъ обширный паркъ, которымъ наслаждаются посѣтители.

Въ серединѣ парка замѣчателенъ водопадъ, образовавшійся въ узкой, каменистой рѣчкѣ Березовкѣ; шумъ его, торжественно разстилаясь по ложбинѣ слабымъ, но непрерывнымъ гуломъ, проникаетъ въ аллеи сада...

24 іюля зазвенѣлъ колокольчикъ, и въ полдень мы простились съ милымъ Кисловодскомъ. Отобѣдавъ въ Пятигорскѣ, въ сумерки пріѣхали въ Георгіевскъ. Полетѣли бы и дальше, но станціонный смотритель предложилъ намъ прочесть предписаніе, которое строго гласило, чтобы проѣзжающихъ отнюдь не выпускать по захожденіи солнца: благоразумная мѣра противъ ночныхъ мошенниковъ, которые своими проказами часто даютъ поводъ къ толкамъ и вымысленнымъ рассказамъ о набѣгахъ черкесскихъ.

Опять начались дорожныя мученія: ѣзда по нѣкоторымъ мѣстамъ Кавказской области и по всей невѣжественной землѣ Донскихъ казаковъ есть верхъ несовершенства; не могу объ ней вспомнить равнодушно.

¹⁾ Вода вкусомъ кисловата, освѣжающа и похожа, какъ говорятъ, на воду Спа, но менѣе содержитъ въ себѣ желѣза и отличается большимъ количествомъ углекислоты. (Авторъ).

Но переступивъ въ губернію Екатеринославскую, тотчасъ почувствуешь, что уже не у донцовъ въ гостяхъ: задержки рѣже, ѣзда скорѣй, да и хлѣбъ-соль завелась.

Отъ станціи Зайцевой мы повернули на Таганрогъ.

Нахичевань и Ростовъ-на-Дону.

Таганрогъ.

Имя города Нахичевань или Нахджевань, значить „мѣсто сошествія“, но тотъ городъ въ Эривани и по преданію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ной остановился, вышелъ изъ ковчега; а мы теперь въ *Нахичевань* другой, основанной армянами, выходцами изъ Крыма въ 1779 г. и расположенный на правомъ возвышенномъ берегу р. Дона.

Городъ великъ (до 12 т. ж. об. п.), но не опрятенъ, какъ сами армяне. Этотъ народъ, какъ по крайней мѣрѣ кажется изъ опыта, вмѣщаетъ въ себѣ свойства трехъ націй, а именно: подлость и неряшество еврея и цыгана и низкое высокомеріе грека; итогъ всего этого = корысти да алчности и составляетъ ихъ собственное свойство. О женщинахъ не говорю: онѣ такъ же прекрасны, какъ и женщины тѣхъ же самыхъ трехъ націй.

Жители преимущественно занимаются перепродажей овечьей шерсти, привозимой изъ земли в. Донского и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Нахичевани красуется богатый *Ростовъ*. Какая чудная мѣстность, сколько удобствъ для торговли. Не даромъ Великій Петръ имѣлъ мысль поставить здѣсь столицу.

Значительная промышленность жителей (до 10 т. об. п.)—рыбная ловля, сплавка лѣса и промывка овечьей шерсти; такъ же нагрузка и разгрузка товаровъ.

Оба эти города управляются однимъ Таганрогскимъ градоначальствомъ.

Бакчи здѣшнія—на удивленіе; арбузы—какихъ я нигдѣ не ѣдалъ; черный народъ ими только и питается: ѣсть въ голодъ и пить въ жажду; правду говорятъ, что мужикъ за копѣйку наѣстся, напьется и умоется.

Еще три переѣзда, и мы въ Таганрогъ; остановимся здѣсь, отдохнемъ и осмотримся, въ ожиданіи парохода.

Таганрогъ основанъ Петромъ I-мъ (1706 г.), лежитъ на мысѣ, вдавшемся въ Азовское море и мѣстоположеніемъ имѣетъ большое сходство съ Одессою.

Жители (до 18 т.) большею частью иностранцы: греки, итальянцы, армяне и евреи; но много и русскихъ. Важнѣйшій торгъ состоитъ въ значительномъ отпускѣ за границу пшеницы, привозимой изъ сосѣднихъ губерній (до 300 т. четвертей); много повредилъ здѣшней торговлѣ переѣздъ (въ 1837 г.) порта и карантина въ Керчь; и вообще интриги двухъ временщиковъ, вначалѣ Потемкина, а теперь гр. Воронцова, для пользы любимца изъ Крыма, явно отнимаютъ выгоды у таганрогцевъ.

Императоръ Александръ, какъ извѣстно, избралъ Таганрогъ для постоянного своего пребыванія, почему все здѣсь носитъ отпечатокъ его бдительнаго вниманія; даже были дѣлаемы заготовленія для постройки двухъ дворцовъ, но впослѣдствіи отменены. Старый же дворецъ, обращенный изъ частнаго небогатаго дома, одноэтажный, небольшой; въ серединѣ аудіенцъ-зала; направо въ той самой комнатѣ, въ которой скончался Императоръ, церковь во имя Его ангела; у царскихъ дверей позументомъ обведено то мѣсто, гдѣ стояла кровать, а внизу подъ тѣмъ же мѣстомъ сооруженъ чугунный памятникъ съ личнымъ изображеніемъ кончины. Надѣво отъ залы покои Импер. Елисаветы Алексѣевны; всѣ вещи, мебель, даже обои, сохраняются въ прежнемъ видѣ.

Есть еще колоссальный памятникъ Александру, изображающій его во весь ростъ; онъ поставленъ на площади противъ греческаго Іерусалимскаго монастыря; внутри же монастыря, гдѣ стоялъ гробъ, положена черная мраморная гробница съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ; впереди на наложники—благословеніе бабки и матери; а справа золотомъ вышитая хоругвь,—приношеніе супруги—съ вышитою же надписью: „Нашъ ангелъ на небеси“.

Въ 39 г. я провелъ здѣсь дней пять очень пріятно, и въ особенности въ семействѣ добраго П—ки; и тогда же ознакомился со всѣми примѣчательностями.

Улицы просторныя; домовъ много каменныхъ, красивыхъ, большею частью съ бельведерами и съ жалюзи, вмѣсто ставень. Прекрасный публичный садъ съ хорошенькимъ павильономъ, въ которомъ помѣщается вокзалъ. Днемъ вы не встрѣтите гуляющихъ; но послѣ сумерокъ аллеи начинаютъ наполняться, и при мѣсячной ночи романическое гулянье длится за полночь: какое обширное поприще для любезностей. Сколько сценъ для наблюдателя... Это обыкновеніе, конечно, завезено сюда итальянцами.

Предмѣстья Таганрога лежатъ по берегу моря; изъ нихъ въ особенности хорошъ *Елисаветинскій садъ*, гдѣ прежде былъ

карантинъ; жаль только, что все въ страшномъ запущеніи. Хвалятъ *Петровы дубки*; но я тамъ не былъ.

4 августа, въ сумерки, я съ какимъ-то малодушнымъ восторгомъ взбѣжалъ на пароходъ: такъ сильно беспокоило меня нетерпѣливое любопытство скорѣй пуститься въ море, увидѣть невиданное, испытать невѣдомое... но какъ нарочно, сильный противный вѣтеръ бушевалъ и не позволялъ намъ сняться съ якоря. Наскоро отужинавъ въ общей каютѣ, я возвратился отъ сильной качки опять на палубу, улегся у борта и старался заснуть, чтобы ускорить время.

Азовское море.

Пароходъ „Митридатъ“.

На другой день, утромъ вѣтеръ утихъ и повернулъ намъ въ путь; въ 8 часовъ „Митридатъ“ двинулся, распустилъ паруса и понесся въ море. Долго любовался я на быстро отдалявшійся городъ; но, наконецъ, мы завернули за мысъ, и берега исчезли...

Море волновалось слабо; небо было ясно; только однообразный шумъ колесъ нарушалъ тишину; да изрѣдка встрѣчавшіяся суда съ обычными переговорами въ рупоръ, капитановъ и лоцмановъ,—пестрили тихое вниманіе мое. Сколько сладкихъ надеждъ виднѣлось въ моемъ воображеніи. Сколько грустныхъ воспоминаній тѣснилось въ мою душу...

Черезъ 6 часовъ плаванія, показался Мариуполь; мѣсто города едва бѣлѣлось, обозначаясь только судами, возлѣ него стоявшими; остальное скрывалось въ туманной отдаленности.

Вотъ проглянулъ и Бѣлосарайскій маякъ, — знакъ, что мы на половинѣ пути. Отсюда круто повернули влѣво, пошли по прямой линіи къ пункту.

Ночь темная: мѣсяца нѣтъ, звѣзды проглядываютъ тускло; только сильно разсѣваемая волны съ шумомъ клубятся и сыплютъ серебристыя брызги.

Въ 8 часовъ утра показался городъ *Еникаль*¹⁾, здѣсь мы повернули вправо и вошли въ узкій проливъ; противный, Таманскій берегъ былъ видимъ простыми глазами. Въ это время

¹⁾ Бывшая греческая колонія Парееонія. На турецкомъ языкѣ значитъ новая крѣпость.

кончался нашъ прощальный завтракъ; капитанъ, завидѣвъ Керченскій берегъ, вспѣнилъ бокалы, дружески поблагодарилъ насъ за пріязнь и скомандовалъ: на салютъ. Пушка прогремѣла, и отвѣтный выстрѣлъ задымился съ берега.

К р ы м ъ.

Керчь.

Итакъ, въ 24 часа мы перерѣзали вдоль Азовское море, и въ полдень вышли на берегъ. Путь нашъ былъ для меня пріятной прогулкой; все доставляло мнѣ истинное удовольствіе и отгоняло самую мысль объ опасности: прекрасный лѣтній воздухъ; легкій, попутный вѣтеръ; любезное, хотя небольшое общество, и въ особенности плутовскіе черные глазки... долго потомъ грезились они мнѣ...

Добрый сербъ-капитанъ парохода, забавлялъ насъ своею наивностью; онъ всегда веселъ, всегда навеселѣтъ. Патріотическіе рассказы его объ Сербіи, изъ временъ Наполеона, презабавительны.

Красивый, каменный городокъ, *Керчь* ¹⁾ лежитъ при соединеніи Азовскаго моря съ Чернымъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовала Пантикапея ²⁾, убѣжище Митридата Евпатора, побѣжденнаго Помпеемъ въ Малой Азіи.

Для антикварія любопытнаго здѣсь много; музеумъ наполненъ рѣдкостями: остатки лучшихъ произведеній греческаго искусства, перстни и разныя золотыя вещи, сосуды для жертвоприношеній и проч. Жаль только, что гг. ученые все лучшее повыбирали для Петербурга; мнѣ кажется, всякая древность имѣетъ существенное достоинство только на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена.

На горѣ Митридатовой, по которой устраивается великолѣпная лѣстница, высѣчено изъ камня мѣсто; съ него-то, какъ гласитъ преданіе, Митридатъ любовался Босфоромъ; дѣйствительно, видъ отсюда на море восхитительный; особливо теперь, въ навигаціонное время, когда флаги всѣхъ націй пестрѣютъ на всемъ пространствѣ Керченской бухты.

Въ историческомъ отношеніи очень замѣчательна мраморная плита, случайно найденная въ Тамани и хранящаяся въ здѣшнемъ музеѣ; надпись ея: „въ лѣто (. . .) Глѣбъ Князь мѣримъ мо и проч.“ (sic) уничтожила всѣ гипотезы относительно Тмутараканскаго княжества.

¹⁾ Основанъ генуэзцами въ XIV столѣтіи. (*Авт.*).

²⁾ За 600 лѣтъ до Р. Х. (*Авт.*).

Церковь Іоанна Крестителя есть одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи.

Долго занимали меня окрестные курганы или кладбище древнихъ; большая часть изъ нихъ разрыты; я заглядывалъ въ нѣкоторые и любовался изысканной отдѣлкой пещеръ и гробницъ; во многихъ находимы были драгоценности; и въ особенности въ двухъ, такъ называемыхъ, Золотомъ и Царскомъ.

Карантинъ опрятно выстроенъ верстахъ въ 3-хъ отъ города на развалинахъ Мирминіона.

Главный и весьма значительный промыселъ жителей (до 7¹/₂ т. об. п.)—ловля разнаго рода рыбы, и особенно сельдей, удачно приготовляемыхъ по голландскому способу.

Здѣсь мы опять сѣли въ коляску; при выѣздѣ, курганы разныхъ высотъ цѣпью тянулись по обѣимъ сторонамъ; потомъ становились рѣже, наконецъ совсѣмъ исчезли, и дорога къ *Салтановкѣ* повела по бесплоднымъ, безтравнымъ степямъ.

Θеодосіа.

Этотъ городъ стоитъ на отлогой возвышенности юго-восточнаго берега Крымскаго полуострова; на немъ отражались всѣ перевероты въ судьбѣ древняго Крыма; а теперь не занимаетъ даже ограды прежней *Кафы* ¹⁾.

Жители *Θеодосіи*—евреи, караймы и армяне; много и грековъ, живущихъ въ средней части, въ довольно красивыхъ домахъ, съ садами, и сохранившихъ характеръ древняго греческаго типа; жены ихъ поразительной красоты.

Татаръ тоже много и въ особенности Нагайскихъ, которые, какъ и вездѣ, дѣлаютъ только телѣжки; жилища ихъ—кибитки, а богатство—верблюды съ жвачкой. На рынкѣ встрѣтите и нѣмца-колониста съ обычнымъ крикомъ: картофель, картофель.

Морскія купанья устроены дурно, музеумъ бѣденъ, устриць не могли найти. Старушка Кафа интересна только издали: развалины генуэзскихъ укрѣпленій придаютъ ей видъ патріархальной важности.

Безопасный и почти незамерзающій портъ доставляетъ большое удобство торговлѣ заграничной, которая состоитъ изъ сбыта хлѣба, кожи и шерсти.

Множество водопадовъ и колодцевъ, своими руинами, напоминаютъ нѣгу прежнихъ владыкъ.

Поспѣшимъ дальше.

¹⁾ Древне генуэзское названіе. (*Авт.*).

Карасубазаръ.

Проѣхавъ первую станцію, увидѣли мы вершины Крымскихъ горъ; еще два переѣзда, и мы въ *Карасубазаръ*.

Это городъ чисто татарскій; о немъ европейскіе города не могутъ дать даже слабаго понятія; нечистота поразительная. Изъ строеній, въ безпорядкѣ слѣпленныхъ изъ сырцоваго кирпича, кое-гдѣ торчатъ минареты; тутъ же кладбища съ магометанскими, развалившимися памятниками,—и только.

Нѣсколько караймовъ, въ своихъ широкихъ одеждахъ и нѣсколько знатныхъ татаръ, которые цѣлые дни проводятъ у дверей кофейныхъ, неопрятныхъ домовъ, съ трубкою въ зубахъ, вотъ отборное здѣшнее общество. Женщины рѣшительно не доступны; и если встрѣтите, то ничего не увидите: закутанныя съ головы до пятокъ въ бѣлые шерстяные саваны такъ тщательно, что только зрачки виднѣются,—онѣ, какъ тѣни, бродятъ по улицамъ, впрочемъ, мнѣ удалось подсмотрѣть одну ¹⁾—какихъ я зналъ только по слуху.

Отсюда дорога дѣлается болѣе и болѣе гориста. Вотъ и *Чатырдагъ* ²⁾—знаменитость Крымскихъ горъ.

Изумительная картина Кавказа; но холодна, безжизненна; великаны его, нагруженные громадою камней, или покрытые саваномъ вѣчнымъ, представляютъ собой только дѣло случая, игру природы; ихъ видъ, сильно поразивши васъ вначалѣ, скоро свыкается съ вашимъ взоромъ и, наконецъ, утомляетъ своимъ однообразіемъ. Не таковы горы Крыма: онѣ если не изумятъ васъ своею колоссальностью, то обворожатъ своею красотою, полной жизни цвѣтущей, разнообразной...

Симферополь.

Алушта, Ялта и дачи южнаго берега Крыма.

Въ *Симферополѣ*, губенск. гор. Таврической губ., мы только перемѣнили лошадей; оставляю его до свиданья: мы еще возвратимся къ нему.

Съ самаго выѣзда отсюда, вверхъ по теченію узкаго Салгира, начинаются дачи скромныя, хозяйственныя; потомъ болѣе и болѣе нарядныя и, наконецъ, роскошныя, оспаривающія славу дачъ петербургскихъ.

Въ *Алушту*, первое приморское селеніе, мы приѣхали ночью; полный мѣсяцъ освѣщалъ прекрасную видопись, а Черное море

¹⁾ Пропускъ.

²⁾ Татарское слово, значитъ букв. Гора-Палатка.

привѣтствовало шумнымъ плескомъ волнъ. Долго не могъ я заснуть, подстрекаемый нетерпѣніемъ — скорѣй увидѣть, при свѣтѣ солнца, южный берегъ прославленнаго Крыма. Съ восходомъ солнца, я былъ уже въ морѣ и, полоскаясь въ волнахъ, не сводилъ глазъ съ хорошенькой Алушты: обширные виноградники у самаго берега, далѣе заѣзжій домикъ въ турецкомъ вкусѣ и красивая готическая церковь; влѣво деревня съ татарскими хижинами и съ высокимъ минаретомъ; тутъ же развалины Юстиніановыхъ башенъ; потомъ горы одна другой выше и выше; и наконецъ Чатырдагъ, какъ бы упавшій занавѣсъ, граничить взоръ.

Отсюда почтовая дорога, съ удивительнымъ искусствомъ, проведена между скалами и пропастями; ее можно сравнить только съ дорогой, которую Наполеонъ такъ смѣло перебросилъ черезъ вершины непроходимыхъ горъ Швейцаріи. Круто извиваясь, она то поднимается на страшную высь, то опускается въ очаровательную долину, и при каждомъ поворотѣ предметы смѣняются, картины разнообразятся... Увлеченный путешественникъ, безпрестанно кружась въ этомъ волшебномъ лабиринтѣ, не можетъ..... вниманія, не успѣваетъ уловить впечатлѣнія... и только два чудные спутника слѣдуютъ за нимъ: Черное море и Палатъ-гора.

Проѣхавъ 15 верстъ до станціи Біюкъ-Ламбата, по лѣсной, душистой отъ зелени и цвѣтовъ дорогѣ, показывается въ первый разъ Аюдагъ; татарское названіе—медвѣдь-гора—очень обрисовываетъ этого великана; именно, какъ будто, медвѣдь, спустившись изъ горныхъ лѣсовъ къ берегу, изволитъ тянуть въ себя морскую воду.

Я л т а.

Алупка.

Полные удовольствія и удивленія, вѣхали мы въ *Ялту*. Этотъ новорожденный городокъ, учрежденный три года назадъ, съ 500 жителей и немногими красивыми домами, не остановитъ вниманія; только церковь изящно-готическаго вкуса, возвышаясь на уступѣ горы, влечетъ путешественника къ молитвѣ и заставляетъ любоваться архитектурой.

Казначейство еще не устроено, и потому служебныя занятія намъ не предстоятъ. Не теряя времени, мы „холку хватъ и въ стремя ногу“.

Ближайшая изъ дачъ къ западу, *Левада* графа Потоцкаго,

тамъ теперь имѣетъ пребываніе В. Кн. Елена Павловна; мы проѣхали мимо красивый домъ и обширный паркъ, и увидѣли Императорскую Орианду, бывшую гр. Кушелева-Безбородки: мѣстоположеніе удивительное, едва-ли не лучшее изъ красотъ Крыма.

Отъ домика Императора Александра вьются, пересѣкаются широкія дорожки по всему великолѣпному парку; то углубляются въ таинственную дикость лѣса и приводятъ къ обильному каскаду, съ оглушающимъ ревомъ падающему въ разныхъ направленіяхъ, то поднимаются высоко, указываютъ на обрывистыя, громадныя скалы, раскрываютъ лазурное море съ его цвѣтистыми берегами...

Возлѣ Императорской, другая, *Орианда-Притвица*, бывшая графа Дибича, съ маленькимъ простенькимъ домикомъ, съ виноградникомъ и густымъ садомъ. Потомъ третья *Орианда гр. Витта*, принесенная въ даръ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ; мѣстность—романическая; южныхъ деревьевъ и разныхъ родовъ кустарниковъ въ изобиліи; но всѣ строенія, когда-то красивыя, теперь въ большемъ упадкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вниманіе новой владѣлицы превратитъ это мѣсто въ картину очаровательную.

Нѣсколько далѣе зеленѣютъ виноградники кн. Мещерскаго, и возвышается готическій домъ кн. Голицына; хозяинъ (Александръ Николаевичъ) не былъ здѣсь еще ни разу, и потому устройство дачи *Гаспаръ*—не въ совершенствѣ. Управляющій весьма охотно, какъ тамъ, къ чести владѣльцевъ, вездѣ водится, показалъ намъ внутренность дома; все очень мило, съ большимъ вкусомъ. Въ особенности меня заняла одна изъ башенъ, въ которой, поднявшись по винтовой лѣстницѣ въ самый верхъ, останавливаешься въ волшебномъ фонарѣ, съ зеркальными стеклами фіолетоваго и золотистаго цвѣта на всѣ стороны, и эти-то разновѣтныя стекла придаютъ чудесамъ природы истинное очарованіе. Во 2-мъ этажѣ середняго фасада, въ одной изъ лучшихъ комнатъ, поставленъ на мраморномъ каминѣ портретъ хозяина, а надъ нимъ на стѣнѣ завитая надпись карандашомъ собственной руки Государя: „радъ видѣть портретъ; но оригинала никогда не желаю здѣсь видѣть, ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не расстанешься вѣчно: на такъ ли?

„Николай, 1837, сентябрь“.

По сторонамъ прибавлено:

Согласна „Александра“

„Александръ, Марія, Елена“.

Все это, вмѣстѣ съ портретомъ, накрыто стекломъ и обведено золотой рамой.

На станціи *Мисхоръ-Нарышкина*, въ 11 вер. отъ города, я радъ былъ пріостановиться; полуденный жаръ, верховая ѣзда и любопытство, требовавшее немалыхъ трудовъ,—такъ утомили меня, что я отказался даже осмотрѣть здѣшнюю окрестность; только проѣздомъ, съ лошади окинувъ глазомъ обширный паркъ и строеніе прихотливой архитектуры. Подкрѣпивши себя закуской, въ которой товарищъ мой постоянно прилеженъ, мы отдохнули добрыхъ два часа, перемѣнили лошадей, безобразныхъ и неуклюжихъ, какъ и ихъ хозяева, и пустились тихимъ шагомъ впередъ.

Осмотрѣвши и налюбовавшись всѣми береговыми прелестями, изъ которыхъ каждая отдѣльно имѣетъ свое значеніе въ созданіи природы и въ изящныхъ трудахъ искусства, мы незамѣтно подѣхали къ обширнымъ виноградникамъ знаменитой *Алуки*, имѣнія гр. Воронцова.

Колоссальность, такъ называемаго тамъ, дворца еще издали высказываетъ свою величественную роскошь, но, подѣзжая ближе, путешественникъ обращается весь во вниманіе, въ изумленіе. Прогулка была бы безконечна, рассказъ неистощимъ, какъ неистощима здѣсь въ чудесахъ своихъ природа, если бы останавливаться на всѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые представляются отсюда на необозримое море, то свѣтлое, какъ лазурь неба, то бурливое и бугристое, какъ прибрежныя горы; если бы передавать всѣ прелести долинъ, усаженныхъ виноградниками, оливами, лаврами, гранатами, и усѣянныхъ миленькими, фантастическими домиками...

Въ Алуку я забылъ усталость, не чувствовалъ полуденнаго зноя и, какъ на изящной выставкѣ, бѣгалъ отъ предмета къ предмету: привлекателенъ, торжественъ нижній садъ, у моря, своими узорчатыми цвѣтниками, художественными павильонами, фонтанами, стройными кипарисовыми рошицами и раскидистыми дѣтьми юга; но какъ очарователенъ, таинствененъ верхній садъ за домомъ, своими темными аллеями, мрачными гротами, ущельями, страшными скалами и гремучими каскадами...

Въ этотъ день (11 авг.) хозяинъ угощалъ Великую Княгиню и В. Княж. Мы, какъ и всѣ путешественники, тоже приглашены были на балъ; но, не имѣя при себѣ бальнаго костюма, отклонились, и потому не удалось заглянуть во внутренность дома.

Отобѣдавъ въ гостиницѣ и съ удовольствіемъ распивъ бутылку шампанскаго подѣ фирмою *Воронцовскаго*, мы расположились на отдыхъ въ опрятномъ номерѣ и опять готовы были на вечернюю прогулку. Заблестали разноцвѣтные огни, загремѣла музыка, и, вотъ, вся аристократія южнаго берега плѣнительными группами разсыпалась по всѣмъ направленіямъ обоихъ садовъ: картина великолѣпная, эффектъ невообразимый. Самый взыскательный, избалованный взоръ остановился бы здѣсь обвороченнымъ...

Поздно ночью возвратились мы въ Ялту.

Очень хотѣлось мнѣ изъ Алушты прокатиться къ Балаклавѣ, Севастополю и до Евпаторіи; но равнодушіе сотоварища, отъ котораго, къ несчастью, больше зависѣлъ планъ поѣздки, было неумолимо; съ флегматическими мыслями о чисто вещественномъ, онъ хладнокровно обращался къ дивамъ природы и искусства; не восхищался ими, а только удивлялся моему, по словамъ его, малодушному восторгу.

На слѣдующее раннее утро, мы отправили коляску по почтовой дорогѣ, а сами, запасшись *фирманомъ*¹⁾, верхами двинулись на востокъ къ береговымъ дачамъ. Опять сколько прелестей, что ни шагъ, то новая картина, новое удовольствіе.

Первая, по этой сторонѣ, дача Исленева—просто игрушка; съ какимъ вкусомъ группированы ослѣпительные цвѣтники, какъ милъ турецкій домикъ и какъ интересна русская изба съ раскрашенными ставнями и со всѣмъ типомъ народнаго вкуса: глазъ не хочется оторвать отъ этой игрушки.

Айданиль и Мартіанъ—начало развитія новаго Крыма: они первые были куплены гр. Воронцовымъ и насажены выписанными плантаціями изъ Италіи, Франціи, Венгріи и съ береговъ Рейна. Огромный погребъ на 25 сажен. говоритъ объ изобильномъ винодѣліи. Отсюда внизъ повела насъ дорога въ Магарачь: сколько изящнаго въ картинѣ Магарача, представляющаго собою прекрасный городокъ; здѣсь болѣе двадцати владѣльцевъ, и у каждаго свои виноградники, свои садики и дачки съ премиленькими домиками; многія семейства проводятъ здѣсь даже и зиму. Вправо отсюда виденъ казенный ботаническій садъ подѣ названіемъ „Никита“, въ которомъ быть мнѣ не удалось, а влѣво красуется богатая *Масандра* гр. Воронцова, самая обширнѣйшая изъ всѣхъ дачъ:

¹⁾ Открытый листъ на татарскомъ языкѣ для полученія верховыхъ обывательскихъ лошадей. (*Ает.*)

при ней 800 десятинъ земли. Первое, что меня здѣсь остановило—былъ Храмъ Божій: царскія двери, отражая въ своихъ золотыхъ лучахъ лучи солнца, ярко сіяли и, черезъ раскрытыя западныя двери, озаряли странниковъ. Внизу изъ-подъ престола струится живой источникъ и за церковной оградой бьетъ благодатнымъ для путешественниковъ фонтаномъ. Почтенный старецъ-священникъ пригласилъ насъ въ тихій уголокъ на скудный завтракъ; собственныя его выраженія, нисколько не оправдавшіяся на дѣлѣ: то и другое съ большой руки. Хозяинскій домъ, выстроенный галереями, очень наряденъ, а англійскій паркъ—единственный въ своемъ родѣ: честь дѣятельности и вкусу благодѣтеля здѣшняго края.

У Людага, или Медвѣжьей горы, въ одной татарской деревнѣ, мы должны были перемѣнять верховыхъ лошадей. Тамошній мулла, своею бѣлою чалмою, первый бросился мнѣ въ глаза; я, чтобы завязать съ нимъ разговоръ, обратился къ нему съ какимъ-то привѣтствіемъ; онъ очень охотно и свободно отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же и, съ любопытствомъ разспросивъ—кто я и откуда, пустился въ рассказы про свое житье-бытье, про живущихъ съ нимъ татаръ, ихъ лѣность и скудность, разсуждая обо всемъ здраво и безпристрастно; потомъ предложилъ мнѣ видѣть мечеть, гдѣ старался по возможности объяснить религіозныя значенія вещей, чего, признаюсь, я нисколько не понималъ; заглянувъ въ окно на солнце, онъ просилъ меня остаться въ сѣняхъ, а самъ, взобравшись на минаретъ, протяжно затянулъ по-своему „на молитву“, важно двигаясь кругомъ купола. Вскорѣ начали собираться правовѣрные старцы, въ числѣ которыхъ были и гаджи, съ бѣлою чалмою въ знакъ посѣщенія Мекки; сбрасывая свои туфли въ сѣняхъ и приложивъ обѣ руки къ ушамъ, они съ поклонами входили въ мечеть; потомъ, поджавъ ноги, располагались на коврахъ и войлокахъ, и опять въ безмолвіи продолжали кланяться, а мулла, сидя противу нихъ, непрерывно журчалъ себѣ подъ носъ молитвы, по временамъ вскрикивалъ: Аллахъ Экбекъ, Аллахъ Керамъ ¹⁾). По окончаніи вечерни, мы опять вмѣстѣ возвратились на прежнее мѣсто; мулла бросился хлопотать около моей лошади, а я спросилъ свой походный мѣшокъ, и когда все было готово, предложилъ ему на прощанье фляжку съ виномъ, онъ вынулъ пробку, нюхнулъ, поморщился и, отдавая мнѣ назадъ, пробормоталъ сквозь зубы: „Магометъ не велѣлъ“. Я

¹⁾ Богъ великъ, Богъ милосердъ. (Аст.).

подавъ ему другую фляжку съ водкой; онъ опять недověрчиво нюхалъ, и съ словомъ „можно“ сдѣлалъ гуль-гуль, и водки какъ не было. Сколько найдется и у насъ подобныхъ исполнителей закона.

Спустившись влѣво по извилистой и опасной тропинкѣ, мы остановились въ татарской деревнѣ *Юрзуфъ*, на превосходной дачѣ г. Фундуклея; она принадлежала прежде гр. Воронцову и была любимой дачею старшей его дочери; по смерти же ея, какъ мѣсто тяжелыхъ воспоминаній для хозяина, оставалась безъ вниманія и, наконецъ, продана. Отсюда показывали намъ занимательную игру случая: возлѣ Аюдага возвышается другая гора (названія не помню) и имѣетъ одну изъ вершинъ округленную; всмотрѣвшись въ нее, найдешь разительное сходство съ профилемъ Императора Александра.

Смерклося; надо было торопиться къ мѣсту назначенія; еще полчаса, и насъ застигла темь совершенная. И такъ, между страхомъ и нетерпѣніемъ, благодаря опытности проводника-татарина и инстинктивной осторожности лошадей, свойственной лошадямъ горскимъ, мы, измученные, кое-какъ въ полночь добрались до Алушты. Къ Симферополю дорога повторилась; только первые и самыя живописныя 10 в. были незнакомы, потому что тотъ разъ мы проѣхали ихъ ночью. Здѣсь-то каждого русскаго остановить каменный фонтанъ слѣдующею надписью:

„Вблизи сего мѣста, въ сраженіи противъ турокъ, раненъ въ глазъ генераль-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ, въслѣдствіи князь Смоленскій“.

Быстрая, истинно русская ѣзда уносила насъ все далѣе и далѣе; еще нѣсколько верстъ, и прощай чудный край: скрылось море, исчезъ и великанъ.

Я былъ въ сладкихъ мечтахъ изъ Симферополя съѣздить въ Бахчисарай (въ 30 вер.) и провести храмовой праздникъ Успенія въ знаменитомъ монастырѣ; въ это время тамъ бываетъ большая ярмарка, и народъ во множествѣ стекается со всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ; даже аристократія съ береговыхъ дачъ, какъ говорили, кавалькадой сопровождала туда Великую Княгиню. Тамъ думалъ и я быть, но съ досадной грустію уступилъ равнодушію сотоварища, котораго не манила ни древняя слава столицы Крымскихъ хановъ, ни ея великолѣпіе, ни, даже, перо незабвеннаго Пушкина...

Симферополь (губ. г. Тавр. губ.) расположенъ на красивомъ берегу Салгира, но не щеголеватъ стросніемъ; жителей имѣетъ до 9 т., изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ татаръ и только $\frac{1}{3}$ русскихъ; осталь-

ные еврей, армяне и греки; на лакомыхъ мѣстахъ—на базарахъ встрѣчались мнѣ и плутоватые цыгане. Главный промыселъ горожанъ—продажа фруктовъ, въ большомъ количествѣ отправляемыхъ внутрь Россіи; также сбытъ шерсти испанскихъ и простыхъ овецъ.

Отсюда начались скучныя, однообразныя степи и провожали насъ 170 в. до Перекопа и потомъ болѣе 100 до г. Алешки.

Перекопъ можно назвать воротами, только никакъ не триумфальными, полуострова Крыма; онъ лежитъ на самомъ перешейкѣ, возлѣ большого вала или рва, длиною 7 верстъ, сдѣланнаго за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; валъ идетъ отъ моря Чернаго до Гнилого и былъ когда-то судоходнымъ, а теперь обвалившійся и вовсе безъ воды. Наружность городка деревенская, а занятіе бѣдныхъ жителей состоитъ въ добываніи озерной соли; одно изъ самыхъ большихъ, Красное озеро, покрытое огромными соляными икрами, видно съ большой дороги.

Какой разительный, грустный переходъ отъ роскошныхъ картипъ южнаго Крыма къ утомительнымъ степямъ сѣвернаго. Прощай, Таврида. Прощай надолго, если не навсегда. Благодарю тебя, красавица, за тѣ высокія чувства, которыя внушала мнѣ твоя южная прелесть; за тѣ сладкіе часы, которые я проводилъ на цвѣтущей, полной нѣги груди твоей, упиваясь чистымъ, благодатнымъ дыханіемъ твоимъ... Красуйся и гордись, Таврида: ты лучший даръ природы,—ты перлъ въ коронѣ русской.

Теперь скажу нѣсколько статистическихъ замѣчаній, извлеченныхъ мною изъ наблюденій собственныхъ и изъ разсказовъ несомнѣнныхъ.

Таврическій полуостровъ физически дѣлится на сѣверный и южный Крымъ хребтомъ горъ, идущихъ большею частію по южному берегу. Сѣверная сторона представляетъ долину, способную къ земледѣлію; только возлѣ Гнилого моря, или Сиваша, ютятся соленыя озера, вредныя испаренія которыхъ дѣлають воздухъ нездоровымъ, порождающимъ мучительныя лихорадки. Напротивъ того, южный Крымъ приведетъ въ восторгъ каждаго путешественника и своими красотами и благорастворенностію климата, который сравнивають съ климатомъ Италіи и Малой Азіи. Самыя нѣжныя растенія и плодовые деревья растутъ тамъ на открытомъ воздухѣ. Ботаническій Никитскій садъ увѣряетъ, что всѣхъ растеній, т. е. деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ въ Крыму до 1.200 породъ; какъ, напримѣръ: володскіе орѣхи,

такъ раскидисто и тѣнисто растущіе по всему Къриму; орѣхи фундуки длинныя; инжиръ или винныя ягоды; разныхъ сортовъ яблоки и въ особенности такъ называемыя крымскія, которыя впрочемъ тамъ на мѣстѣ слишкомъ тверды и требуютъ долгой лежки; лучшихъ породъ сливы, черносливъ, дули и бергамоты; персики, абрикосы, каштаны, маслины, шелковицы, кизилъ, кипарисъ, лавръ; даже созрѣваютъ фиги, миндаль; растутъ хлопчатая бумага и т. д.

Зимы въ прибрежныхъ мѣстахъ почти не бываетъ; иногда ночью выпадаетъ снѣгъ въ морозцѣмъ не выше 3°, а утромъ и нѣтъ ничего; выше отъ берега двѣ—три версты случаются морозы ощутительные, а далѣе на горахъ и препорядочные.

Вся эта страна населена татарами, которые глѣются и по берегамъ, кроются и между горъ; первые болѣе красивы, дѣятельны и опрятны; общее занятіе ихъ—садовство, а промышленность—сбытъ фруктовъ. Рыбный промыселъ вовсе не важенъ, и ловля устрицъ въ большомъ количествѣ бываетъ исключительно зимой; тогда сотня ихъ не дороже рубля асс.; теперь же онѣ горьки, тощи, не годны къ употребленію.

Цѣнность земли на южномъ берегу неимовѣрная: не дешевле 2 т. руб. асс. за одну необработанную десятину, а доходу почти никакого; почему же такая дороговизна? Не по модѣли? Быть можетъ. Впрочемъ, время ли еще говорить о доходахъ, когда единственная, благородная цѣль владѣльцевъ богачей клонится только къ развитію и усовершенствованію такого важнаго для государства предмета, каково винодѣліе; должно только удивляться быстрымъ успѣхамъ этого занятія; теперь наготовлено вина болѣе 100 т. ведеръ; но вотъ бѣда: сбытъ его затруднителенъ.

О скромныхъ татаркахъ ничего не могу сказать: онѣ, по закону своему, ведутъ жизнь затворническую или показываются не иначе, какъ говорилъ я въ статьѣ о Карасубазарѣ.

Остальныя 100 верстъ по Таврическимъ степямъ отъ Перекопа до Алешекъ, я желалъ бы выкинуть изъ моей памяти: такъ утомили меня песчаная тяжкая дорога и ослѣпительная, душливая пыль. Въ *Алешикахъ* освѣжила меня слава этого города—сочный, душистый арбузъ; ни на Дону, ни на Кавказѣ, ни даже въ Таганрогѣ не лакомился я такими арбузами.

День былъ нестерпимо знойный. Насъ помѣстили на огромную лодку и канатами потянули по извилинамъ разныхъ рѣчекъ, или протоковъ Днѣпровскихъ, и потомъ въ виду Хер-

сона понесли на веслахъ по самому Днѣпру. Вся эта пытка продолжалась на разстояніи 17 верстъ. Сбѣжавъ съ лодки на берегъ, я бросился въ Днѣпръ и, освѣживъ себя купаньемъ, побрелъ въ городъ.

Херсонская губернія.

Херсонъ обширенъ и многолюденъ; имѣетъ болѣе 20.000 жителей и богатъ евреями; успѣшно ведетъ внѣшній торгъ, преимущественно съ Голландією и Англією, канатомъ, пенькою, кожами, льнянымъ сѣменемъ и даже хлѣбомъ, а внутренній особенно съ Харьковомъ—разнаго рода товаромъ.

Чтобы знать замѣчательности города, надо быть въ крѣпости, прочесть золотую надпись надъ главнымъ входомъ въ соборную крѣпостную церковь: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина Вторая посвящаетъ“, и обойти гробницы лежащихъ тамъ Очаковскихъ героевъ.

Достоинъ также вниманія новый бронзовый памятникъ на площадѣ, возлѣ небольшого городского сада, съ надписью: „Потемкину, Новороссійскій край“. Художникъ очень удачно изобразилъ героя во весь ростъ, но сдѣлалъ одну, весьма важную ошибку противъ природы и исторіи Потемкина...

Возвращаясь въ гостиницу, въ одной изъ лучшихъ улицъ я встрѣтилъ толпы евреевъ и евреекъ; какъ смѣшны и уродливы *зидки* въ своихъ долгополыхъ черныхъ, лощенныхъ сюртукахъ, подпоясанные черными широкими кушаками, и въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ; за то какъ интересны ихъ хорошенькія *зидоючки* въ жемчужныхъ богатыхъ повязкахъ и нарядныхъ платьяхъ. Отдѣльными группами переважно расхаживая по одной улицѣ взадъ и впередъ, такъ празднуютъ они свой *сабасъ*, и съ тощими желудками нетерпѣливо поглядываютъ на солнце, поджидая завѣтнаго его захода.

У заставы виднѣлся намъ пирамидальный памятникъ филантропа Говарда.

Въ сумерки мы выѣхали изъ Херсона, а ночью проѣхали военный городъ *Николаевъ*. Свѣтлая, мѣсячная ночь не скрыла отъ насъ нѣсколько красивыхъ домовъ и адмиралтейскаго бульвара, опушающаго берегъ *Ингула* своими пирамидальными тополями; вотъ все, что я могъ разсмотрѣть; о красотѣ всего города и его окрестностей, а также и о пріятномъ военномъ обществѣ, мнѣ потомъ рассказывали много: вѣрю на слово, если не могу повѣрить на дѣлѣ.

Здѣсь лошадей не перемѣняютъ, и потому насъ немедля на поромѣ перенесли черезъ Ингуль, который тутъ же сливается съ *Буюмъ*, и высадили на другомъ берегу у станціи *Варваровки*.

Черезъ три скучныхъ переѣзда, дорога оживилась; забли- стало знакомое море, послышался отдаленный шумъ его волнъ, и мы поѣхали по самому берегу; мнѣ сдѣлалось весело... Еще переѣздъ и—заблѣлась на горизонтѣ наша южная столица. Съ отраднымъ чувствомъ вперилъ я глаза на возрастающую воз- вышенность; картина развивалась все болѣе и болѣе; потомъ широкая аллея обняла насъ своею прохладною тѣнью, и, на- конецъ, поднявшись на гору, мы вѣхали въ заставу.

О д е с с а.

Одесса. Какъ заманчиво, увлекательно это слово. Съ самаго начала моего путешествія, я уже мечталъ объ Одессѣ; думалъ объ ней на Кавказѣ, даже въ Крыму: такъ сильно неравно- душные рассказы и похвалы многихъ, настроили мое любопыт- ство. Но вотъ я и въ Одессѣ. Увидимъ: не славны ль бубны за горами?

Кромѣ правильности, стройности, Одесса имѣетъ прелести, только ей одной принадлежащія. Приморскій бульваръ идетъ по высокому берегу отъ великолѣпнаго дома графа Воронцова; обхватываетъ памятникъ дюка де-Ришелье и продолжается до биржи. Это мѣсто есть лучшее украшеніе города: съ одной сто- роны красуется рядъ каменныхъ огромныхъ домовъ, съ дру- гой—Черное море, усаженное судами разныхъ націй; отъ брон- зоваго изображенія Ришелье спускаются каменные широкія ступени къ морю; направо отъ нихъ пристань, а налѣво длин- ная, деревянная галлерей. Хотите войти въ нее. Извольте; заплатите только 60 к. асс., получите *billet d'entrée au bain*, и если билетъ вашъ *bon pour un cavalier*, то идите направо и будьте поскромнѣй: возлѣ васъ легкая досчатая перегородка, а за ней

но сильно напрягать воображенія: прекрасная существенность порой мелькнетъ сама передъ глазами вашими, и именно, когда сильныя волны, вздымаясь къ верху, составляютъ между собой глубокіе изгибы, которые, опускаясь ниже завѣтной перего- родки, раскрываютъ соблазнительную перспективу... Здѣсь, въ знойный день, для пользы и удовольствія, общество разныхъ

возрастовъ и націй собирается по нѣскольку разъ. Арендаторъ купаленъ, безкорыстный грекъ, платя 5.000 руб., выручаетъ въ хорошее лѣто до 20.000 р., но, несмотря на такой барышъ, устройства и содержанія похвалить нельзя. Есть еще цѣлебныя купанья въ лиманѣ, въ 8 верстахъ отъ города, но я тамъ не былъ.

Итальянская опера дается въ довольно большомъ, хорошо отдѣланномъ казенномъ театрѣ; есть два—три голоса сильныхъ, музыкальных, но оркестръ меньше и слабѣй оркестра Большаго театра въ Петербургѣ. При мнѣ очень удачно шла въ первый разъ опера Донизети „Марино-Фальеро“, а между дѣйствіями—живая штирійская пляска и сладострастная качуча, какой конечно не покажутъ въ Петербургѣ, надѣлали такого шума, какъ будто сама Фани Эльснеръ слетѣла на сцену.

Свобода, дозволенная обычаемъ, удивила меня: на улицахъ, на бульварѣ, пѣшкомъ и въ экипажахъ, являются молодые и старики въ костюмахъ легкихъ, фантастическихъ, иногда безъ платка на шеѣ, съ сигарою въ зубахъ. А въ трактирахъ, по-англійски, безъ верхняго платья, въ однѣхъ рубашкахъ. Вначалѣ эта прихоть казалась мнѣ какъ-то неловкою, но потомъ очень понравилась, и я, бывало, какъ только шагъ въ трактиръ, то все долой: скюртку, жилетъ, платокъ, и тутъ-то нараспашку поприхотничать можно: „*magnifique et pas cher*“¹⁾.

Магазиновъ много, и всѣ наполнены иностранными издѣліями; порто-франко дѣлаетъ ихъ очень дешевыми; въ особенности голландское полотно, сукно, шелковыя матеріи, бронзовыя вещи и пр., но должно замѣтить, что вообще товаръ, дозволенный къ ввозу, много уступаетъ въ качествѣ товарамъ роскошныхъ магазиновъ Невскаго проспекта.

Въ лицейской церкви я слушалъ обѣдню; напѣвъ воспитанниковъ и мундиръ ихъ, съ золотыми петлицами на красныхъ воротникахъ, живо напомнили мнѣ университетскій пансіонъ.

Иностранцы завладѣли Одессой совершенно; русскихъ тамъ очень мало, да и тѣ живутъ не по-русски *всякій про себя*. Обществъ почти нѣтъ; видѣть всѣхъ можно только на балахъ гр. Воронцова, да въ публичныхъ мѣстахъ: въ театрѣ, казино и проч.

И не только въ образъ жизни ихъ, но даже въ религіозныя обряды вкралось чужеземное. Вотъ примѣръ. Однажды утромъ, встрѣчаю я погребальную процессію: впереди несли

¹⁾ 30 и 40 к. ас. порція, вина дешевы, фрукты ни по чѣмъ.

большой запрестольный крестъ, хоругви, фонари; потомъ тянулось наше духовенство въ полномъ облаченіи и съ зажженными свѣчами, перевязанными розовыми лентами; за нимъ въ траурной колесницѣ, подъ богатымъ балдахинѣмъ, везли гробъ, а въ заключеніе—военная музыка въ траурѣ, играла печальный маршъ. Мнѣ любопытно было узнать, кто этотъ ветеранъ-покойникъ. Спрашиваю и мнѣ отвѣчаютъ: „une jolie demoiselle de 16 ans“.

За городомъ огромный ботаническій садъ (на 60 десятинахъ), а за нимъ, по берегу моря, расположены дачи, или, такъ называемые, хутора; теперь они въ большомъ упадкѣ; мраморныя статуи, развалившіеся павильоны и другія затѣи роскоши, говорятъ только о прошедшемъ.

Непостоянностію климата Одесса—сестра Петербурга; такъ же съ переменной вѣтра мѣняется и погода, и такъ же въ одинъ и тотъ же день увидишь снѣгъ, туманъ и дождь. Зима сурова, лѣто знойно; въ сырое время страшная грязь, а въ сухое такая сильная, такая тонкая пыль, что нѣтъ средствъ отъ нея защититься ничѣмъ, ни даже двойными рамами, которыя въ домахъ не вынимаются, а только растворяются. Пыль эта не только несносна, но и чрезвычайно вредна для здоровья; даже невыносима для слабой груди.

Я провелъ въ Одессѣ двѣ недѣли пріятно, вкусно, лакомо; наступилъ часъ выѣзда, какъ вдругъ неожиданная новость: Дрейшокъ даетъ концертъ. Какъ не послушать европейскаго пьяниста, и вотъ въ прекрасной биржевой залѣ я услышалъ знакомые аккорды, варіаціи одной руки и пѣсенку безъ словъ, которая, казалось, была не разыграна, а какъ бы сладко пропѣта... „И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ“...

Послѣ всего, что я видѣлъ и *вкусилъ* въ Одессѣ, могъ ли я равнодушно разстаться съ ней. Но невозможность есть предѣлъ нашихъ желаній, законъ для нашей воли. Услужливый и вертлявый факторъ, засунувъ пальцы въ кушакъ и, въ надеждѣ будущихъ благъ, нижайше кланяясь, прощепеталъ, что лошади готовы. Кстати, нѣсколько словъ объ евреяхъ. Люблю я этотъ народъ: какая смѣтливость, расторопность, и сколько усердія за пятиалтынный въ сутки. Во многомъ они отвратительны,—это правда; лживы, хитры, пронырливы; изъ корыстолюбія готовы на всякую низость,—все такъ, но будьте осторожны, не вѣрьайтесь ни въ чемъ безъ собственнаго глаза, и вы, за ничтожную награду, найдете рѣдкаго исполнителя вашихъ нуждъ, вашихъ прихотей; сродная имъ робость дѣлаетъ ихъ учтивыми

до крайности, а смѣтливость и расторопность—угодливыми. Рѣшительно скажу, что никто такъ ловко не услужить, какъ факторъ-жидъ; но ужъ никто такъ ловко и не проведетъ: остро держите ухо. Религіозны они до должнаго; мнѣ много разъ удалось заглядывать въ ихъ сальныя синагоги, и всегда я видѣлъ глубокую покорность наружнымъ обязанностямъ закона. Въ общественномъ своемъ быту они, повидимому, связаны дружбой (хоть, можетъ быть, собачей дружбой); въ семействѣ не подозрительны и ни мало не ревнивы, слѣдовательно, счастливы; за деньги, въ этомъ отношеніи, святого нѣтъ для нихъ. Женщины хороши и часто хороши до красоты; и напрасно г-жа Дурова, выхваляя въ одномъ изъ своихъ сочиненій, жидовку-хозяйку станціи, прибавляетъ: „а сахаръ въ чашку кладите сами“. О вѣрности ихъ къ мужьямъ ни слова; да и можетъ ли существовать любовная вѣрность къ уморительной фигурѣ жида...

28 августа, послѣ обѣда, мы выѣхали изъ Одессы; насъ подвезли къ таможенной заставѣ и выпустили изъ экипажа; нѣсколько таможенныхъ служителей тотчасъ бросились и, какъ пиявки, повисли по всѣмъ сторонамъ коляски. Въ это время я пошелъ въ общія комнаты и у дверей столкнулся съ молодымъ человѣкомъ въ форменномъ таможенномъ сюртукѣ. „Вы меня не узнаете“, спросилъ онъ, протягивая мнѣ руку. Извините, можетъ быть... „Я М—въ, тотъ самый, который, помните, выходилъ изъ Лицея въ то время, когда вы служили и кутили съ моимъ братомъ“. Тутъ все объяснилось, и начались воспоминанія о Петербургѣ, безконечные вопросы и т. п. Между прочимъ, онъ, какъ веселый малый, успѣлъ наказать мнѣ кучу анекдотовъ, бывающихъ при осмотрѣ выѣзжающихъ; въ особенности забавная эта операція съ дамами; недавно, при разоблаченіи одной молодой особы, нашли 300 коробочекъ съ запрещенными бронзовыми серьгами: вѣдь нужно же было ухитриться—найти мѣсто припрятать въ себѣ такой ворохъ. Насъ долго не задерживали и контрабанды не нашли, хоть и было кое-что съ грѣхомъ пополамъ, ну да по старому знакомству съ рукъ сошло.

Проѣхавъ тростниковый, старообрядческій городъ *Тирасполь*, не замѣчательный ни въ какомъ отношеніи, мы на поромѣ переправились черезъ Днѣстръ возлѣ Бендеръ и поѣхали по Бессарабіи.

Бессарабія.

Въ самый городъ *Бендеры* мы не вѣзжали; онъ остался нѣсколько влѣвъ. Я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на эту девятибашенную красивую крѣпость, пробѣгая въ памяти времена Петра Великаго, когда политика шведскаго кабинета здѣсь искала пособія у турецкаго султана. Слѣды лагеря, въ которомъ укрывался Карлъ XII-й послѣ Полтавской битвы, видны еще и теперь.

Въ *Кишиневъ* мы вѣзжали поздно вечеромъ по узкой, кривой улицѣ, усыянной синагогами и ихъ поклонниками; сотни огней освѣтили насъ: каждый домишка горѣлъ, какъ фонарь, и изъ cadaго неслись неистовые крики. На вопросъ мой, что это значить, мнѣ отвѣчали: встрѣча дня субботняго.

О времени первоначальнаго основанія Кишинева, губернскаго города Бессарабской области, не извѣстно; къ намъ онъ перешелъ отъ турокъ только въ 1812 г. По мѣстоположенію и по основанію, онъ дѣлится на *старый* и *новый*; первый (при р. Бычкѣ) рѣзко отличается отъ второго типомъ турецкихъ городовъ, т.-е. неправильностью и неопрятностью; новый, напротивъ, правиленъ и красивъ; стоитъ на возвышенности, имѣетъ много каменныхъ домовъ, расположенныхъ кругомъ обширной площади, на которой красуется соборъ, колокольная и архіерейскія ворота. Кругомъ собора вьется англійскій садъ, крестообразно пересѣченный огромными тополевыми аллеями, и возлѣ—большой публичный садъ съ лучистыми аллеями, бесѣдками и цвѣтниками. День былъ праздничный, Александра Невскаго; я пошелъ въ церковь; обѣдню совершалъ архіепископъ Димитрій; къ молебствію явилась вся кишиневская знать въ парадной формѣ. Меня крайне удивила во время богослуженія смѣсь трехъ языковъ: славянскаго, греческаго и молдованскаго.

Торговля жителей, которыхъ считается болѣе 40 т., въ большомъ объемѣ производится шерстью и рогатымъ скотомъ.

На другой день мы проѣхали три города: *Ортегъ*, *Бяльцы* и *Сороки*, не стоящіе и одного порядочнаго; недавно пожалованные въ званіе городовъ, они еще не успѣли снять наружности деревенской; всѣ три очень не нарядны и составлены изъ плетневыхъ мазанокъ, впрочемъ, Сороки сидятъ на прекрасномъ мѣстѣ: между горъ и на берегу Днѣстра.

Эти мѣста и вообще Бессарабская область населена евреями и въ преимуществѣ молдованами, народомъ лѣнивымъ, неопрят-

нымъ, малорослымъ и даже безобразнымъ; они не имѣютъ ни промышленности, ни даже порядочнаго хлѣбопашества, все богатство ихъ заключается въ кукурузѣ, которою они питаются, приготавливая въ разныхъ видахъ; мамалыга довольно вкусна и весьма питательна, она варится изъ кукурузной муки, въ видѣ нашей саломаты, и употребляется съ масломъ и сыромъ.

Остальные дорожныя замѣтки, къ сожалѣнію моему, затерялись, а потому и рассказъ мой о дальнѣйшемъ путешествіи продолжаться не можетъ, писать же на память не берусь, чтобы не быть похожимъ на тѣхъ многихъ путешественниковъ, которые вояжъ свой дѣлаютъ и описываютъ, не выходя изъ кабинета. А, что могу припомнить, спустя три года, то слегка кладу на бумагу.

Изъ степей Бессарабіи мы заглянули на нѣсколько часовъ, для ревизіи казначейства, въ *Мошлеву* на *Днѣстръ*, городъ хорошій по мѣстоположенію и дурной по неопрятности еврейскихъ строеній. Потомъ опять возвратились въ Бессарабію и черезъ мѣстечки *Атаки* и *Липканы* въѣхали въ городъ Хотинъ; Липканы лежатъ у самаго Прута, такъ что на противномъ берегу видны владѣнія турецкія и карантинъ, а Хотинъ стоитъ на границѣ владѣній австрійскихъ.

Отсюда насъ привезли въ *Каменецъ-Подольскъ*, небольшой, хотя и губернский, каменный и чрезвычайно стѣсненный городъ, возлѣ на другой сторонѣ рѣки древнія стѣны крѣпости, самъ городъ тоже обведенъ высокою стѣною, возлѣ которой по берегу идетъ бульваръ и служить лучшимъ украшеніемъ. Здѣсь-то преважно выступали паны-помѣщики, затянутые, по случаю выборовъ, въ губернскіе мундиры, и граціозно прогуливались миленькія паночки; обворожительны эти существа: изысканный вкусъ, кокетливая, ловкая любезность и при томъ маленькая ножка,—вотъ ихъ очеркъ.

Много польскихъ богатыхъ костеловъ разныхъ орденовъ, и мало нашихъ, весьма бѣдныхъ, даже самая архіерейская церковь не блеститъ богатствомъ; я въ ней былъ, идучи къ знакомому мнѣ архіерею, только-что перемѣщенному сюда изъ моей родины изъ Тамбова. Любезный, умный отецъ Арсеній ¹⁾ увлекъ меня своимъ радушнымъ приѣмомъ и пріятною бесѣдою; сколько услышалъ я отъ него воспоминаній, сколько благодарныхъ отзывовъ о благородныхъ тамбовцахъ, умѣвшихъ вполне оцѣнить достоинства своего пастыря. Обласканный вполне, я за послѣд-

¹⁾ Москвитъ, позднѣе митрополитъ кіевскій.

нимъ бокаломъ долженъ былъ проститься съ хозяиномъ, принявъ, какъ водится, отъ него напутственное благословеніе, и, между прочимъ, пожелать ему Андреевскую ¹⁾, онъ улыбнулся и пожалъ мнѣ руку.

К і е в ъ.

10-го сентября. Наконецъ, Богъ сподобилъ меня поклониться святынямъ Кіевскимъ. Въ ясный день, при восходѣ солнца заблистали передо мной золотыя главы церквей, и рука моя сотворила знаменіе креста. Съ отраднымъ чувствомъ вѣзжалъ я въ эту колыбель церкви нашей.

Мы помѣстились въ прекрасной гостиницѣ, возлѣ бывшаго Екатерининскаго дворца, въ которомъ теперь устроены искусственныя минеральныя воды. Прилежающій къ нимъ обширный, густой садъ очарователенъ, онъ идетъ по утесистому берегу Днѣпра и почти касается Крещатика, мѣста великаго для каждаго русскаго.

Переодѣвшись наскоро, я поспѣшилъ въ лавру; по пути зашелъ въ старый Николаевскій монастырь поклониться чудотворной иконѣ моего Ангела. Въ самыхъ вратахъ лаврской крѣпости іеромонахъ съ крестомъ и святою водою встрѣчаетъ и провожаетъ богомольцевъ; приложившись къ кресту и принявъ благословеніе, я пошелъ далѣе. Ранняя обѣдня была въ началѣ, благоговѣнно вступаю въ великолѣпную главную церковь Успенія Богоматери: сколько пищи для сердца христіанина, сколько предметовъ для размышленій. У алтаря, на правой сторонѣ, покоются мощи Великаго Князя равноапостольнаго Владиміра, на лѣвой—крестившаго его — митрополита Михаила. Въ правомъ придѣлѣ осыняется неугасимою лампадой деревянная древнѣйшая икона Божіей Матери, передъ которой несчастный князь Игорь Ольговичъ изливалъ свои предсмертныя молитвы, тутъ же въ задней стѣнѣ красуется бѣлый мраморный памятникъ героя Задунайскаго.

По окончаніи обѣдни, вмѣстѣ съ толпою поклонниковъ, спустился я по длинной широкой лѣстницѣ, закрытой досчатыми стѣнами и крышей, къ нижней церкви, а оттуда медленно послѣдовали мы за священникомъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ мрачныя, могильные переходы: шествіе наше было и таинственно, и торжественно...

¹⁾ Противъ желающихъ выводить изъ этого слова двумысліе, каламбуръ,—умываю руки.

Отъ Лавры взялъ я извозчика, чтобы скорѣй осмотрѣть городъ, и въ нѣсколько часовъ много впечатлѣній собралъ и схранилъ въ памяти моей.

Въ мужскомъ Златоверхомихайловскомъ монастырѣ достойна особаго замѣчанія высокая итальянская живопись малаго мѣстнаго образа Архистратига Михаила, осыпаннаго брилліантами и принесеннаго въ даръ Императоромъ Александромъ. Посреди придѣльной церкви возвышается катафалкъ съ балдахиномъ, богато убраннымъ зеленымъ бархатомъ и золотыми кистями, а на ней помѣщена рака съ нетлѣнными останками Великомученицы Варвары; убранство всей церкви и въ особенности святой гробницы великолѣпно и съ большимъ вкусомъ. У подножія гроба я принялъ серебряное изображеніе святительницы для передачи той, объ которой тогда молился...

Храмъ Андрея Первозваннаго красуется на горѣ и едва-ли не на лучшемъ мѣстѣ города. Исторія гласитъ, что здѣсь Апостолъ Андрей благословилъ будущее начало христіанства въ нашемъ отечествѣ: „пришедъ въ верхъ по Днѣпру въ пустынную страну скиеовъ, водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ и сказалъ своимъ ученикамъ: „видите ли горы сія. Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и имать градъ великъ быти и церкви много имать Богъ воздвигнути...“

Колоссальная и вмѣстѣ легкая архитектура храма порождаетъ высокія чувства изящнаго, на зеленомъ куполѣ блестятъ серебряныя звѣзды Андреевскаго ордена; во внутренности церкви быть мнѣ не удалось. Видъ отсюда на нижнюю часть города, называемую Подоломъ, безподобенъ. Вблизи сооружается новая церковь на развалинахъ извѣстной *Десятинной*.

Софійскій соборъ знаменитъ своею древностію, онъ построенъ Ярославомъ, тѣло котораго погребено въ придѣлѣ подъ мраморной гробницей, изукрашенной рѣзбою. Достойны примѣчанія мозаическій плафонъ главнаго алтаря, изображающій въ большомъ размѣрѣ Матерь Божію и Святителей. Возлѣ собора открыты въ новѣйшее время развалины *Золотыхъ воротъ*, Ярославомъ же воздвигнутыхъ въ память побѣды надъ печенѣгами около 1037 года.

Громадное зданіе университета Св. Владиміра еще не окончено, но общаетъ городу большое украшеніе.

Полдневный жаръ утомилъ меня, не стало силъ слѣдить за любопытствомъ, и я возвратился на отдыхъ. Въ 5-мъ часу, по приглашенію предсѣдателя, мы отправились обѣдать въ благородный клубъ.

Въ 7 часовъ выѣхали и еще засвѣтло переправились черезъ широкій Днѣпръ, съ этой стороны видъ на лавру и весь городъ удивительно величественъ. Отъ берега по дорогѣ къ сѣверу, на нѣсколько верстъ идутъ пески сыпучіе: мы едва-едва двигались. Здѣсь пришла мнѣ на память одна богомолка-барыня, которая, прогулявшись *по общинѣ* пѣшкомъ изъ В. губ. въ Кіевъ и обратно, была неумоима въ чудныхъ разсказахъ о Кіевѣ и всегда въ избыткѣ чувства фанатизма, въ заключеніе показывала на шеѣ надѣтую ладонку *съ святымъ песочкомъ*, протяжно прибавляя умилительнымъ голосомъ: „и песочекъ-то тамъ такой бѣ-ленькой, такой ме-ленькой“.

А. А. Голомбѣвскій.

